

ЛЮБОВЬ

“Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнустная фантазия, мучившая меня почти 10 лет. Десять лет я все мечтал выиграть... Теперь же все кончено! Теперь, когда я так обновлен, – пойдем вместе, и я сделаю, что будешь счастлива!”

(Ф. Достоевский: из письма к Анне Григорьевне)

Геннадий ЕВГРАФОВ

Он поставил на красное и загадал – если выпадет, он успеет к Полине, и они опять будут вместе, и она будет безраздельно принадлежать ему одному. У него уже лежало в кармане выигранных 5 000 франков, этого должно хватить и на обеспечение Марьи Дмитриевны, и на содержание Паши, и на жизнь в Европе с Полиной...

Крупье ловко бросил шарик на отполированное до блеска колесо рулетки, шарик сделал круг, другой, третий... и медленно скатился в лунку zero. Он закрыл глаза, стиснул до боли губы и без сил упал в стоящее рядом с игровым столом обтянутое лоснящимся красным бархатом кресло...

С.-Петербург, Кузнечный переулок, 5/2. Здесь были прожиты, пожалуй самые счастливые годы – в мире и спокойствии, без соблазнов рулетки

И РУЛЕТКА

РОКОВАЯ ИСКУСИТЕЛЬНИЦА

Полина ворвалась в его жизнь стремительно, перевернула ее вверх дном, вновь заставила мучиться и страдать от любви. Она подошла к нему на одном из выступлений, потом написала письмо, он откликнулся, и все закружилось, завертелось, закрутилось.

Ей было 22, а ему уже перевалило за 40, но с ней он не чувствовал своих лет. Она была хороша собой – высока, стройна и тонка, за сдержанностью и медлительностью манер, скупостью жеста угадывался страстный огонь, который она неумело пыталась скрыть. Он переживал из-за своей внешности – болезненно-бледное, подергивающееся лицо с разного цвета глазами могло произвести отталкивающее впечатление. Но ни его

1. Ф.М. Достоевский, 1862 г.
2. Аполлиинария Суслова, 1870-е гг.

ски не хватало денег. В конце концов средства на поездку были найдены, но их было мало, и по дороге в Париж он остановился в Висбадене, чтобы попытаться счастья в рулетке. Страсть к рулетке затмила чувство к Полине. Зеленый стол притягивал как магнит, он не мог отвести взгляд

от скачущего по лункам шарика. Рулетка была метафорой жизни, в которой царили случайность и неопределенность, надежда и отчаяние, красное и черное, чет и нечет. На этот раз судьба улыбну-

лась ему, и вопреки обыкновению он не проиграл, а выиграл, сумел удержать себя, оторваться от стола и бежать с деньгами из "Рулетенбурга" в Париж.

Она встретила его холодно и равнодушно, и он понял, что опоздал. В ее сердце вошел жгучий темпераментный испанец Сальвадор, прожигатель жизни и покоритель женских сердец. Он был молод и горяч, обещал ей другой мир, в котором правят бал радость и веселье. Петербургскую карусель сменил парижский карнавал, она не смогла устоять и пала в его объятия.

Достоевский был подавлен, унижен и растерян. Он знал, что когда-нибудь Полина оставит его, но не знал, как скоро это произойдет. Надо было что-то делать, он лихорадочно искал выход из создавшегося тупика. Развязка

“Аполлиинария – большая эгоистка... Я люблю ее до сих пор, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви”

возраст, ни внешность, ни измученность жизнью не остановили ее. Она бросилась в эту любовь как в омут, закрыв глаза, и чувство к этому издерганному и нервному человеку захлестнуло ее с головой. Его же притягивали не только ее молодость и свежесть, но и родственная натура, в которой прихотливо сочетались черты мучителя и жертвы, и тот психологический надлом, который присутствовал в нем самом.

Со временем их любовные отношения превратились в борьбу. Ее самолюбие страдало, раненая гордость мучила все сильнее. В один прекрасный день ей все надоело – и их встречи тайком, и его

нежелание говорить с ней о литературе, и его желание превратить ее в рабыню. В июне 1863-го она уехала из Петербурга в Париж, а он, по рекомендации врачей перевезя таявшую на глазах Марию Дмитриевну из вечно простуженного Петербурга в напоенный чистым, здоровым воздухом Владимир, вернулся в столицу улаживать журнальные дела. Все лето он мучился от одиночества. Полина вошла в его кровь и плоть, он не мог без нее уже провести и дня. А она, позабыв про обиды, писала ему, звала приехать, убеждала, что в Европе все будет хорошо.

Он решился, но катастрофиче-

наступила неожиданно, сама собой. Довольно скоро серьезная любовь русской испугала испанца и он бросил Полину. Ее охватило безумие, она билась в истерике, хваталась за нож, порывалась покончить с Сальвадором либо на его глазах – с собой. Успокоившись, опустошенная и разбитая, она пришла к Федору Михайловичу в отель и призналась, что произошло. Он, как мог, утешил ее и предложил отправиться вместе в путешествие по солнечной Италии, о которой они не раз мечтали в заснеженном Петербурге.

На следующий день выехали в Баден-Баден. Затем были Рим, Турин, Генуя и Неаполь, опять Турин и Берлин. В дороге она оправилась и вновь из жертвы превратилась в мучительницу, играла с ним в кошки-мышки, манила, но не допускала до себя, грезя о том, как Сальвадор вернется, а она холодным презрением накажет его. Они начали ссориться и, недовольные друг другом, расстались. Она уехала из Берлина в Париж, ему надо было возвращаться в Россию, во Владимир, где умирала Марья Дмитриевна...

свой крест, а он, прекрасно понимая ее безрадостное существование, помогал сносить все беды и обиды, которые подтачивали ее хрупкие силы. Он всегда любил несчастных и сирых, сострадал униженным и оскорбленным – Марья Дмитриевна была и несчастна, и унижена, и оскорблена. Она называла себя мученицей, страдала от частых мигреней, говорила, что жизнь ее кончена. Она была жертвой тяжелых обстоятельств, а ради жертвы он был готов на все.

Когда Марья Дмитриевна ответила на его страстное чувство, сидевшего без места Александра Ивановича неожиданно назначили в Кузнецк, забытое Богом местечко в 500 верстах от Семипалатинска. Расставание могло превратиться в разлуку, может быть, навсегда. Они уже строили совместные планы, но жизнь непредсказуема и непредвиденна и поделаться с этим ничего нельзя. Оставалось только смириться и надеяться на будущее.

Некоторое время спустя судьба выкинула очередной фортель – Александр Иванович тяжело забо-

рушилась казавшаяся ему такой спасительной идея брака. Явившись к нему однажды в самые горькие минуты его жизни, она воскресила его душу, теперь душе было мучительно больно, он даже помышлял о самоубийстве...

Совершенно неожиданно и довольно скоро Марья Дмитриевна объявила ему, что она в своем избраннике разочаровалась и что никого, кроме Достоевского, она не любила и не любит. Он вновь поставил вопрос о браке, теперь более решительно. Она без заминки ответила согласием, и 6 февраля 1857 года раба Божиего Федора Михайловича Достоевского и рабу Божию Марью Дмитриевну Исаеву обвенчали в местной церкви. Жизнь с Марьей Дмитриевной не сложилась ни в Семипалатинске, ни в Петербурге, куда они вернулись после отбытия его наказания. Его мучили припадки эпилепсии, нервы все время были напряжены, ее – постоянные головные боли, после которых она долго приходила в себя. Он испытывал к ней физическую страсть, она часто отвечала холодностью и пренебрежением. Семейного счастья не было. Брак разрушили болезнь и последовавшая за ней смерть Марьи Дмитриевны. Он вновь остался один, взвалив на себя все хлопоты и расходы по воспитанию пасынка Паши. Неоднократные попытки устроить семейную жизнь ни к чему не приводили, и он уже полагал, что ему выпал жребий всегда оставаться одному, как совершенно случайно в его жизнь вошла Анна Григорьевна Сниткина.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

После разрыва с Полиной, после смерти Марьи Дмитриевны его могла спасти только работа. Тем более что поджимали сроки контракта с издателем-выжигой Стелловским. Он мог не успеть сдать рукопись нового романа вовремя и тогда решил прибегнуть к помощи стенографистки. Знако-

“Муж говорил мне милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил со мной... Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни: “Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!” (из дневника Анны Григорьевны)

УНИЖЕННАЯ И ОСКОРБЛЕННАЯ

Если бы не Марья Дмитриевна, жизнь в Семипалатинске, куда его перевели после каторги, была бы пустой, холодной и бессмысленной. После четырех лет заточения больше всего он нуждался в женском тепле, нежности и ласке. Жена бывшего учителя гимназии Александра Ивановича Исаева протянула ему руку, и он этот дар, казавшийся в те годы бесценным, принял с признательностью. Марья Дмитриевна, ухаживая за вечно пьяным мужем и несмышляньем-сыном, терпеливо несла

лел и в конце концов скончался у Марьи Дмитриевны на руках.

Теперь она была вдова, и он немедленно предложил ей выйти за него замуж. Ему давно мечталось о своем семейном угле и домашнем уюте, где он мог бы спокойно жить и работать. Но неожиданно в ответ на его страстные письма она замолчала. Он, почувствовав неладное, бросился в Кузнецк. Предчувствия не обманули его – Марья Дмитриевна влюбилась, влюбилась отчаянно и страстно в местного учителя молодого красавца Николая Вергунова. Это было удар, рушились все его надежды,

мый профессор Ольхин рекомендовал ему свою лучшую ученицу Анну Сниткину.

Поначалу он и подумать не мог, что эта невысокая худощавая девушка с выразительными серыми глазами станет его женой. Потом эта мысль закралась в сознание, овладела им полностью, и ему уже трудно было представить, что, когда работа кончится, он останется один. И он рискнул.

Он диктовал ей "Игрока" с 4 по 29 октября. Через 10 дней просил ее руки, волнуясь и смущаясь как неоперившийся гимназист, безумно боясь отказа, с трудом выговаривая необходимые слова... Она не задумываясь ответила согласием – просто сказала, что будет любить его всю жизнь. Небеса разверзлись, судьба вновь распахнула перед ним объятия. В Анне теперь было его будущее – надежда, счастье и спасение...

"Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта – все это я нашел в вас"

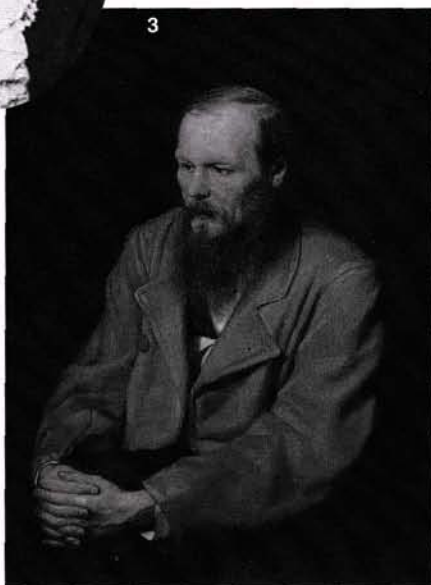
Он спешил венчаться, но, как всегда, не хватало денег. Наконец деньги были найдены, квартира снята, вещи перевезены, свадебное платье куплено. 15 февраля 1867 года священник Измайловского собора объявил их мужем и женой. Через месяц они уехали в Москву, а затем в Германию.

И дома, и за границей долго привыкали друг к другу. Он нередко бывал мрачен, раздражителен, работал по ночам, и она часто засыпала в одиночестве, так и не дождавшись его прихода. Временами ему казалось, что ей с ним скучно, а ей – что он почему-то избегает ее, и, переживая до слез, она доводила себя до нестерпимо-

го состояния. Он ревновал ее по малейшему поводу, взрываясь и негодуя, устраивал чудовищные сцены. Она покорно сносила несправедливые попреки, стойко терпела все изъязны его тяжелого характера... и поначалу не возражала ни единым словом. Потом они стали ссориться. Ссоры заканчивались объятиями, поцелуями, потоком его нежных слов.

Они были намерены прожить вне России три месяца, а прожили четыре года. После Германии отправились в Швейцарию, Австрию, Италию. Его тянуло домой, но дома их никто не ждал, а здесь вдруг пошла работа, он принялся за "Идиота", и еще проч-

1. Мария Исаева
2. Анна Сниткина
3. Ф.М. Достоевский, 1872 г.

но держала рулетку. Он играл страстно, вдохновенно, с никогда не оставлявшей его идеей выигрывать. И почти всегда проигрывал, проигрывал много и крупно, и тогда неслись в заклад ее ценные вещи и драгоценности. На него не действовали ни ее мольбы, ни уговоры, ни убеждения. Какая-то неведомая сила притягивала его к столу. Как завороченный он смотрел на мечущийся шарик и убеждал себя, что на этот раз выпадет заветное число. Но число не выпадало, и он делал ставки еще и еще. Это была болезнь, от которой не было лекарств, и, когда она это поняла, смирилась. Как смирилась с его тяжелым характером, подозрительной натурой и мелочными придирками...

За время, проведенное за границей, на их долю выпало множество испытаний – рождение и смерть старшей дочери, его болезнь, постоянное безденежье, необеспеченность работой, проигрыши на рулетке. Но все это было прожито, пережито вместе, несчастья и страдания только сблизили их, заставили лучше понимать и ценить друг друга. Они стали единым целым, это помогло в дальнейшем прожить им в России еще 10 лет в мире и согласии, счастливой семейной жизнью, которая лишь однажды была омрачена кончиной сына Алексея.

Со страстью к рулетке было покончено в апреле 1871 года, когда, взяв 120 талеров, он уехал в Висбаден, где за неделю проиграл все. Испытывая жестокие душевные муки, укоряя себя, что отнял деньги от семьи, он решил, что больше никогда в жизни не будет играть на рулетке. Он написал жене, что это был "вполне последний раз", и действительно сдержал слово.

После Пушкинской речи, вызвавшей огромный резонанс в России и ставшей его завещанием, триумфом, признанием заслуг перед отечественной словесностью, он резко сдал и отошел в вечность 28 января 1881 года, прожив в этом мире неполные 60 лет.